

ТВОРЧЕСТВО Б.Ю. ПОПЛАВСКОГО В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ И В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Творчество Б. Поплавского лишь в последние годы вернулось в читательский и научный оборот. Изучением произведений и биографии Б. Поплавского занимались такие литературоведы как Е.Менегальдо, В.Крейд, Л.Аллен, С.Никоненко, Т.Буслакова, И.Желвакова, И.Каспэ, Д.Токарев и др.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать отклики современников о творчестве Б.Поплавского и выявить основные тенденции изучения в современном литературоведении.

Борис Юлианович Поплавский (1903-1935) – один из самых талантливых писателей и поэтов молодого поколения первой волны русской эмиграции в Париже. Гордый и независимый, необычайно одаренный в различных областях, Б. Поплавский, как и многие его молодые современники, был выброшен за пределы родины гражданской войной и постоянно мучился своей не востребованностью. По словам Н. Берберовой, молодые эмигранты «были единственным в своем роде поколением обездоленных, бездомных, нищих, бесправных и потому – полуобразованных поэтов, схвативших кто что мог среди гражданской войны, голода, первых репрессий, бегства, поколением талантливых людей, не успевших прочитать нужных книг, продумать себя, организовать себя, людей, вышедших из катастрофы голыми, наверстывающих кто как мог все то, что было ими упущено, но не наверставших потерянных лет» [3, с.30].

В мае 1921 года Б. Поплавский вместе со своим отцом уезжает в Париж, где посещает Художественную академию «Гранд Шомьер» на Монпарнасе, сближается с группой молодых художников и писателей, среди которых С.Карский, Л.Воловик, К.Терешкович, И.Добринский, А.Гингер, М.Талов, В.Парнах, В.Барт, А.Седых, Д.Кнут и многие другие. И.Зданевич вспоминал: «Среди художников мы провели безвыходно пять лет, писали для художников, читали для художников, увлекались живописью больше, чем поэзией, ходили на выставки, не в библиотеки. Жили же мы стихами Поплавского» [19, с.31].

Современников привлекало в Б.Поплавском и внешность, и поведение, и творчество. Г.Адамович, в целом с симпатией относившийся к Б.Поплавскому, писал: «Он, прежде всего, был необычайно талантлив, - талантлив, как говорится, насквозь, “до мозга костей”, в каждой случайно оброненной фразе, в каждой написанной строке» [3, с.19].

И.Одоевцева в книге «На берегах Сены» отмечала необычайные ораторские способности Б.Поплавского, и это несмотря на «чрезвычайно невыигрышную внешность – внешность слепца» [14, с.206]. Он никогда не снимал черные очки, утверждая, что это доктор велел ему. Хотя многие его современники были уверены, что они необходимы ему, чтобы «спастись от

грубых взглядов» и от «страшных глаз, прикованных ко злу» [3, с.39]. Г.Газданов отмечал, что своим внешним видом Б.Поплавский был похож на путешественника: «Бедный Боб! Он всегда казался иностранцем – в любой среде, в которую попадал. Он всегда был – точно возвращающимся из фантастического путешествия, точно входящим в комнату или в кафе из ненаписанного романа Эдгара По. Так же странна была его неизменная манера носить костюм, представляющий собой смесь матросского и дорожного. И было неудивительно, что именно этот человек особенным, ни на чей другой не похожим, голосом читал стихи, такие же необыкновенные, как он сам» [3, с.48].

Нужно также отметить, что у Б.Поплавского были очень сложные отношения в семье. Отец, Ю.Поплавский был близким другом своему сыну, чего нельзя сказать о матери. У Б.Поплавского было две сестры – Евгения и Наталья и старший брат Всеволод. Воспитанием детей занимались иностранные гувернеры, благодаря чему Б.Поплавский отлично знал французский язык. Судьба сестер сложилась трагично – обе девушки умерли в раннем возрасте. Наталья писала стихи. По воспоминаниям отца поэта, первое стихотворение Б.Поплавский написал из чувства соперничества с сестрой [3, с. 78]. Дружба с отцом, вражда с матерью – женщиной властолюбивой и жестокой – вот, вероятно, биографические корни двойственности, столь характерной для личности и творчества поэта. Сходное мнение находим и в рецензии Г.Адамовича, который писал, что «никогда нельзя было заранее знать, с чем пришел сегодня Поплавский, кто он сегодня такой: монархист, коммунист, мистик, рационалист, нищепанец, марксист, христианин, буддист или даже просто спортивный молодой человек, презирающий всякие отвлеченные мудрости и считающий, что нужно только есть, пить, спать и делать гимнастику для развития мускулов? В каждую отдельную минуту он был абсолютно искренен, - но остановиться ни на чем не мог» [3, с.19-20].

Для Б.Поплавского не Россия и не Франция, а Монпарнас стал его родиной, где «царства монпарнасского царевич», по выражению Н.Оцуца, проводил целые ночи, рассказывая о своих разговорах с Богом, о музыке и справедливости. Ему казалось, что, когда в эмиграции не останется никаких журналов и собраний, «в кафе, в поздний час, несколько погибших людей скажут настоящие слова» [3, с.38]. Ведущим специалистом по творчеству Б.Поплавского является французская славистка Е.Менегальдо, которая писала, что «никто лучше Поплавского не описал русскую довоенную жизнь на Монпарнасе, никто лучше не почувствовал, насколько она была хрупкой и искусственной – жизнь в постоянном ожидании изменения, чуда. То была легендарная эпоха Монпарнаса – во внутренних залах кафе собиралось иногда до сорока человек, и страстные споры на художественные, философские и религиозные темы не смолкали до утра» [19, с. 30]. В.Ходасевича также обращает внимание на чрезвычайную бедность эмигрантов: «За столиками Монпарнаса сидят люди, из которых многие днем не обедали, а вечером

затрудняются спросить себе чашку кофе. На Монпарнасе порой сидят до утра, потому что ночевать негде» [3, с.54].

Б.Поплавский старался всячески поддерживать молодых эмигрантов, их творчество и был уверен, что «Париж – Ноев Ковчег для будущей России. Зерно будущей ее мистической жизни, Малый Свет, который появляется на самой высокой вершине души и длится не больше половины одного Ave» [3, с.47]. В журнале «Числа», первом эмигрантском журнале под редакцией Н.Оцупа была предпринята попытка дать возможность молодому поколению выразиться, о чем свидетельствуют многочисленные статьи Б.Поплавского, посвященные данному вопросу: «Тезисы к докладу о книге Г.Иванова “Петербургские зимы”», «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции», «О смерти и жалости в “Числах”», «Среди сомнений и очевидностей», «Человек и его знакомые», «Вокруг “Чисел”» и многие другие.

Молодым литераторам было необычайно трудно завоевать внимание публики. Они не хотели писать о прекрасной жизни в России и защищали свое право писать о том, что их волновало в эмиграции. В.Варшавский назвал поколение молодых писателей и поэтов «незамеченным» именно из-за их отверженности со стороны «отцов» и широкой публики. По словам В.Варшавского, «Молодая литература оказалась не нужна не только белогвардейскому народу зарубежной России, но и ее “демократической общественности”. Вечные шестидесятники узнавали в поэзии монпарнасских “огарочников” все отвратительные им черты декадентства: мистицизм, манерность, аморализм, антисоциальность, упадочную форму, упадочные настроения [3, с.55]. Б.Поплавский рассказывал своим друзьям, что его родной отец, очень его любивший, никогда не прочел ни одного его стихотворения. Вот пример отношения эмиграции к своим молодым писателям. Сходного мнения придерживался и В.Яновского, «Нет спора, жизнь была гораздо снисходительнее к людям старшего поколения и эпигонам. Они почти все успели отхватить кусок сладкого российского пирога. Сорвали дольку успеха, признания, даже комфорта» [12].

Б.Поплавский призывал эмигрантского молодого человека выступить «против отцов и за разрыв культурных традиций», отстаивал право писать «как и о чем хотим, но с западной откровенностью» и посмеяться «над теми, кто думают, что если нет земско-городского союза, березок за окном и “Русских ведомостей”, - счастье и любовь больше невозможны» [18, с.131]. Е.Менегальдо отмечала, что, отказываясь от красоты, «младшее поколение» предпочитает «грубый» материал. Таким «грубым» материалом часто оказывались нецензурные выражения, богохульство, сексуальные откровения, которые никак не могли появиться на страницах представителей старшего поколения, что и приводило к увеличению «пропасти» между отцовской литературой и творчеством детей. Н.Татищев вполне справедливо писал: «Поплавский будто умышленно извлекает образы для своих сооружений из той свалки, куда за последнее столетие бросали все самое ненужное и

подозрительное. В алхимической колбе смешаны элементы магии и «окультной макулатуры» средних веков» [19, с.36].

Б.Поплавский был чрезмерно чувствителен к отзывам печати, совсем не стараясь этого скрывать. Вниманием читателей автор был обделен, поэтому рецензии воспринимались им как оценка творческой деятельности. Г.Газданов отмечал, что «он был по-детски обидчив, необыкновенно чувствителен ко многим неважным вещам, мог огорчаться до слез, если в выходящем номере журнала не оказывалось места для его стихов. Его было легко купить – обещанием денег, напечатанием одного стихотворения – он соглашался на все. Были случаи, когда этим пользовались, и по отношению к Поплавскому это было особенно нехорошо» [3, с. 61]. Ю.Фельзен высказал предположение, что признания Поплавский не получил из-за одиночества, а также из-за «чрезмерной замкнутости и новизны, которые мешали установлению связи, затрудняли необходимую подготовку» [26, с.172]. Е.Менегальдо дает более подробную оценку новизны автора и полагает, что в произведениях Б.Поплавского акцент перенесен с событийности на внутреннюю жизнь, «роскошную и тайную». Именно эта особенность ускользнула от большинства критиков, склонных применять к экзистенциальным, метафизическим произведениям оценочные критерии, годные для русского классического романа [19, с.37]. Образ жизни Б.Поплавского резко отличался от жизни современников. Все работали, мирясь с грубым и нищенски оплачиваемым трудом. Б.Поплавский нигде не работал и не пытался что-либо изменить, считая, что только будучи полностью свободным, он сможет творить. Даже делая предложение Н.Столяровой, он предупредил ее: «Денег у меня не будет никогда, я обречен на нищету, но свободой не поступлюсь» [17, с.75-76]. Б.Поплавский был чрезвычайно беден и даже те небольшие средства, которые ему удавалось заработать, отдав в печать свои произведения, он попусту тратил или отдавал нищим. По словам Г.Газданова, «с деньгами он не умел обращаться. Когда они у него бывали – что случалось чрезвычайно редко – он покупал граммофоны, испорченные пластинки, какие-то шпаги “необыкновенной гибкости”, галстуки яркого цвета; если после покупок что-нибудь оставалось, он тратил их на Монпарнасе» [12]. Ю.Поплавский, отец поэта, писал, что все деньги, которые он ему давал, Б.Поплавский раздавал бедным. В его комнате часто ночевали на полу бездомные студенты, офицеры, монахи, моряки и другие беженцы [3, с. 79]. А.Седых вспоминал, что «нищета постепенно возвысилась им в некую степень совершенства и добродетели, в ней видел он очищение от греховности» [21, с. 261].

Э.Райс отмечал, что «Поплавский был чрезвычайно требователен к окружающим и не терпел около себя посредственностей, <...> от которых часто зависела возможность житейского устройства. Почти невозможно было заставить его, в его же интересах, “выдержать” компанию какого-нибудь издательского туза или просто мецената – без резких, язвительных с его стороны выпадов по поводу любой, даже невиннейшей пошлости последних. В

таких случаях он внезапно багровел от гнева и обзывал “болваном” особу, привыкшую только к лести и потаканию» [12].

Поплавский проводил много времени в библиотеке Сент-Женевьев. По многочисленным свидетельствам (В.Яновского, Ю.Фельзена, Ю.Терапиано, И.Зданевича и др.), он был одним из самых образованных писателей своего поколения, прочитал ошеломляющее количество книг, умел с блеском вести беседу (Д.Мережковский, например, очень любил вступать с ним в спор на философские темы) Если библиотека была закрыта, он шел на Монпарнас, или посещал собрания различных литературных объединений – «Кочевье», «Цеха поэтов», «Зеленой лампы» у Мережковских и др. По словам Э.Райс, «культура Бориса была необъятной. До сих пор непонятно, как он мог успеть за свои короткие тридцать с лишним лет, да еще в тех нечеловеческих условиях жизни, накопить такое количество знаний. <...> Его познания были живыми, в любом вопросе он умел с удивительным чутьем быстро схватывать самое значительное и нужное для себя, отбрасывая второстепенное» [12].

Произведения Поплавского при жизни были известны не в полной мере. В 1931 году вышел единственный прижизненный сборник «Флаги». Это издание осуществилось благодаря помощи Л.Пумпянской, вдовы состоятельного рижского дельца, - все расходы по изданию она взяла на себя. «Флаги» рецензировались основательнее других книг уже в год их появления. Рецензии резко отличались друг от друга. М.Цетлин утверждал, что несмотря на то, что «стихи Поплавского нравятся не всем», талантливость поэта «не возбуждает сомнений, вероятно, это самое большое поэтическое дарование, появившееся за последние годы» [3, с. 7]. Г.Иванов отмечал, что «в этих стихах почти ежесекундно – необъяснимо и очевидно – действительное чудо поэтической “вспышки”, удара, потрясения, того, что неопределенно называется *frisson inconnu* (*неизвестная дрожь (фр.)*), чего-то и впрямь схожего с майской грозой и чего, столкнувшись с ним, нельзя безотчетно не полюбить» [3, с.8].

Совсем по-другому звучит рецензия В.Набокова, который сравнил книгу с «крашеным марципаном или цветной фотографической открыткой с перламутровым блеском» [7, с.201]. В.Набоков тем не менее признавал, что некоторые стихотворения сборника «возносились своей чистой музыкальностью». Впоследствии, в 1951 году, В.Набоков отречется от своего первого отрицательного отзыва: «Я не встречался с Поплавским, который умер в молодых годах. Он был далекой скрипкой среди близких балалаек. Я никогда не забуду его заунывных звуков, так же как я никогда себе не прощу той злобной рецензии, в которой я напал на него за ничтожные погрешности в еще неоперившихся стихах» [3, с.7]. О «погрешностях» его русского языка говорили много. По словам И.Одоевцевой, «грамотно писать он ни на одном языке так и не выучился, и рукописи его пестрели просто чудовищными ошибками. Но отсутствие грамотности, как известно, не помеха таланту. Гумилев был почти так же безграмотен, как и Поплавский». [14, 207]

Ю.Терапиано, хорошо знавший поэта, писал, что если бы автор «Флагов» проработал некоторые свои стихотворения, - его книга была бы лучшей книгой так называемого эмигрантского поколения [12]. Однако, по свидетельству Н.Татищева, близкого друга поэта, известно, что Поплавский перерабатывал свои тексты и исправлял годами, иные стихотворения переписывал до сорока раз, «чтобы сохранить характер импровизации, чтобы все вылилось единым махом, без ретуши, которая в стихах так же заметна, как заплатка на реставрированных картинах» [24, с.26]. И.Зданевич, автор статьи «Борис Поплавский» вспоминал что «издатели искромсали текст как могли, ввели старую орфографию, выбросили все, что было мятежного и заузного, дав перевес стихам, в которых сказывалось влияние новых кругов» [9, с.168]. Привлекает к себе внимание и рецензия М.Слонима, который отмечал, что несмотря на то, что в стихах Б.Поплавского связь между понятиями и словами очень часто бывает утеряна, читателя поражают игра воображения, яркие и неожиданные сны, разнообразные ритмические комбинации, которыми владел Б.Поплавский. «Музыка, - по мнению М.Слонима, - то есть тот элемент поэзии, который составляет ее первичную природу, все то, что словом сказать невозможно, что выше или ниже, но во всяком случае вне понимания рассудком и пятью чувствами – вот это и есть самое замечательное в стихах Поплавского. Его нельзя не заслушаться: этот голос, богатый интонациями нежными и вкрадчивыми, поет так чудесно, что забываешь обо всем, кроме обольстительного напева» [22, с.42]. По словам И.Зданевича, книга не имела успеха, что, несомненно, повлияло на дальнейшее творчество писателя, усугубляя чувство обиды и отверженности [9, с.168]. С последним утверждением И.Зданевича можно не согласиться: «Флаги» вызвали много откликов, восторженных (Г.Иванов, Г.Адамович, М.Слоним) или уничтожающих (В.Набоков, Г.Струве), но никого из критиков не оставили равнодушным.

Б.Поплавский продолжал писать, надеясь получить столь желанное им признание. Он создал сборники стихов «Снежный час», «В венке из воска» и «Дирижабль неизвестного направления». Н.Татищев вспоминал, как автор «Флагов» успокаивал себя, утверждая, что «в часы сомнения следует думать о том, что каждое произведение имеет своего читателя, хотя бы одного» [3, с.122]. Современники Б.Поплавского, увидевшие в нем по нескольким десяткам опубликованных при жизни стихотворений крупного поэта, не ошиблись. При помощи близкого друга поэта художника М.Ларионова и после продажи картин из личной коллекции писателя, удалось собрать необходимое количество средств, чтобы выпустить уже после смерти автора книги «Снежный час» (1936), «В венке из воска» (1938). Последний сборник стихов - «Дирижабль неизвестного направления» (1965) вышел в свет благодаря Н.Татищеву, который бережно хранил у себя все рукописи Б.Поплавского многие годы. В.Ходасевич, прочитав сборник «Снежный час», предположил неминуемое поэтическое молчание автора, останься он жив. Известный критик

отстаивал эту точку зрения, основываясь на том, что увидел в творческой эволюции писателя «поэтическую деградацию» и «творческую небрежность» [7, с.199]. Рецензент писал, что складывалось впечатление, будто ремесло поэта уже не так интересовало Б.Поплавского, как прежде. В.Ходасевича не покидало чувство незавершенности произведений писателя и в этом известный критик видел огромный недостаток творческого наследия Б.Поплавского. М.Васильева в статье «На границе звука» (1997) комментируя слова В.Ходасевича, отмечала, что «Поплавский не просто шел в молчание, а сам создавал его в литературе. Признавая немоту как единственное реальное состояние человека в эмиграции, воплощал ее – путь в лирике невозможный, однако для Поплавского ставший реальностью. Но надо пройти это исчезновение до конца, чтобы открыть, вывести вместе с писателем, то новое мирозерцание, которое диктовало Поплавскому музыку “Снежного часа” и утвердилось с его приходом в литературу. “Немота”, “тишина”, “молчание”, присутствует в каждом стихотворении» [7, с.203].

Совсем другой точки зрения придерживался Г.Иванов, который в отличие от В.Ходасевича, пророчил поэтическое бессмертие Б.Поплавскому. Рецензент полагал, что «в грязном, хаотическом, загроможденной, отравленными всяческими декадентствами, бесконечно путанном, аморфном состоянии стихи Поплавского есть проявление именно того, что единственно достойно называться поэзией» [7, с.200]. Г.Иванов, также как В.Ходасевич указывали на отход от «литературности» как на сложный литературный прием Б.Поплавского. Однако В.Ходасевич видел в этом только «игру слов», которая не соответствовала действительности. Г.Иванов, напротив, называл данный прием «гениальным» и пророчил ему большое будущее [7, с.200].

Б.Поплавский был не только талантливым поэтом, но и самобытным прозаиком. В 1926 году он задумал трилогию «Аполлон Безобразов», «Домой с небес» и «Апокалипсис Терезы». О последнем романе известно только из слов отца писателя Ю.Поплавского, рукописи романа так и не были найдены. Первые главы и наброски романа «Аполлон Безобразов» появились в 1926 г. Из дневника Поплавского известно, что во вторник 21 ноября 1927 г. он читал страницы из романа Татьяне Шапиро: «В этот вечер я, дрожа от страха, пришел к тебе и зловеще заскрежетал из глубокого кресла о жестокости, но ты успокоила меня, сказав, что ты не воспитана на эгоистическом эстетизме. Потом я читал А.Б...» Потом она скажет: «Я не спала эту ночь от А.Б.» [17]. «А.Б.» - это сокращенное название романа писателя. Б.Поплавский закончил работу над ним в 1932 г., но при жизни ему удалось опубликовать лишь несколько глав в сборниках «Числа» (№ 2–3, 5, 10). Г.Адамович высказал предположение, что Б.Поплавскому, может быть, суждено полнее выразить себя не в стихах, а в прозе. С Г.Адамовичем согласен был и В.Вейдле: «Среди прозы молодых писателей, напечатанной в „Числах“, самая талантливая, самая личная – проза Поплавского. – Новые главы его фантастического романа „Аполлон Безобразов“ навеяны отчасти „Артуром Гордоном Пимом“ Эдгара

По, но это не значит, что они подражательны, да и главным учителем Поплавского остается не По, а Рембо. Если бы он умел так же сосредоточивать свою фантазию, как его учитель, если бы за каждой его фразой чувствовалась такая же человеческая подлинность и глубина, то его надо было бы признать уже сейчас настоящим и немалым писателем; но и так, несмотря на некоторую произвольность его выдумки, на некоторую долю „эпатирования“, присущую ему, на несколько засоренный и не всегда, так сказать, поспевающий за стилем язык, нельзя все же сомневаться в его таланте; в прозе талант этот сказался едва ли даже не ярче, чем в стихах» [1]. Известен и негативный отзыв на последнюю, 28-ю главу романа «In mare tenebrum». Он принадлежит Д.Мережковскому, который писал, что не «может простить себе публикации главы из своей новой книги „Иисус Неизвестный“ в „Числах“, где она в 5-м номере появилась в соседстве с грязными кощунствами декадентского романа Поплавского» [23]. Все попытки опубликовать роман оказывались тщетными. Некоторые редакторы не принимали роман из-за его новизны, другие – из страха не получить ожидаемую прибыль. Б.Поплавский не отчаивался. Он снова и снова ходил с рукописью своего романа по разным издательствам, выслушивая обещания «напечатать там-то и там-то, непременно, в ближайшее время» [9, с. 168]. И.Зданевич в 1933 году оплатил половину расходов по изданию романа – тысячу пятьсот франков. Поплавский обращался за помощью к своим друзьям, чтобы помогли оплатить вторую половину, но никто не согласился. Б.Поплавский хотел продать несколько своих картин, чтобы выручить необходимую сумму, но и эта попытка закончилась неудачей. Такая же судьба ждала и второй роман Б.Поплавского «Домой с небес» (1935), который он закончил незадолго до своей смерти. В.Яновский вспоминал, как автор обратился с просьбой опубликовать его новый роман. Так как роман был велик и не окупился бы подпиской, ему отказали, отдав предпочтение роману Агеева «Роман с кокаином». По словам В.Яновского, «это было для Б.Поплавского ударом». После гибели писателя Н.Татищев пытался издать роман, но тоже безуспешно.

После смерти Б.Поплавского отрывки из романа «Домой с небес» были опубликованы в трех книгах альманаха «Круг» при поддержке И.Фондаминского. По словам Е.Менегальдо, «вырванные из контекста, эти фрагменты воспринимались скорее как дневниковые записи, чем страницы из романа» [15, с.449]. Г.Струве придерживался такого же мнения: «Хотя в “Дневниках” Поплавский говорил, что все персонажи его двух романов им выдуманы, многое из дневников могло бы легко быть перенесено в “Домой с небес”». [23, с.209] Г.Струве, который в основном негативно отзывался о творчестве писателя, все же признавал, что «в прозе, действительно, есть и “музыка” (более подлинная, пожалуй, чем в его стихах, беспомощных и ритмически бедных), есть и словесная меткость, есть и доказательства наблюдательности. В обоих романах действие происходит в Париже, в “Домой с небес” главным образом на русском Монпарнасе. Русско-монпарнасская

атмосфера передана очень хорошо» [23, с.208]. Н.Столярова, близко знавшая Б.Поплавского, прочитав роман, узнала себя в образе Тани и прислала свои комментарии и пояснения эпизодам романа А.Богословскому, который собирал материал для издания книг, посвященных творчеству Б.Поплавского.

По словам Г.Струве: «Если бы среди парижских писателей и критикой произвести анкету о наиболее значительном поэте младшего эмигрантского поколения, нет сомнения, что большинство голосов было бы отдано за Б.Поплавского. Г.Адамович писал, что Мережковский на одном собрании после смерти Б.Поплавского сказал, что для оправдания эмигрантской литературы на всяких будущих судах с лихвой достаточно одного Поплавского» [23, с.337-338]. И.Зданевич был убежден, что эмиграция не только ничего не дала писателю, но и взяла у него все, что сумела [3]. Впервые полностью вышел в свет сборник прозы Б. Поплавского в Петербурге в 1993 г., в совместном издании «Логоса» (Санкт-Петербург) и «Голубого всадника» (Дюссельдорф). Романы были переизданы в 2000 году в Москве под редакцией А. Богословского и Е. Менегальдо [15]. Романы «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес» не были по достоинству оценены современниками писателя, не получили они серьезной оценки и в наши дни. Между тем, эти произведения заслуживают самого пристального внимания исследователей. Ю.Фельзен вспоминал слова, сказанные о Лермонтове, но безошибочно применимые к Б.Поплавскому: «Во всю свою короткую жизнь он вечно куда-то спешил, точно предчувствовал свой близкий конец» [3, с.139].

Умер Б.Поплавский 8 октября 1935 года. Довольно загадочные обстоятельства его смерти породили легенду о его самоубийстве. Однако есть свидетельства отца писателя и И.Зданевича, а также предсмертное письмо С.Ярко, который предложил Поплавскому и еще нескольким друзьям испытать новые ощущения. Предполагалось, что это будут наркотики. По трагическому стечению обстоятельств, только Б.Поплавский пришел на встречу. С.Ярко предоставил Б.Поплавскому яд под видом героина. Большинство критиков и писателей уверены в том, что это было убийство. Ю.Терапиано в книге «Встречи» писал, что через несколько дней после смерти Б.Поплавского, девушка С.Ярко опубликовала письмо, написанное ее молодым человеком. Самоубийца сообщал, что решил уйти из жизни, но боясь умирать в одиночестве, решил взять с собой попутчика. Только по трагической случайности Б.Поплавский оказался его единственной жертвой [3, с.137-138]. По словам Н.Берберовой, «гибель Поплавского – именно гибель, не смерть и вероятно, не самоубийство – в октябре 1935 года сделала его на один день знаменитым: все французские газеты написали о нем. Русские жители Парижа узнали о нем. “Окололитературные” люди вдруг слышали, что был среди нас талантливый поэт» [3, с. 31]. В.Ходасевич вспоминал, что если бы за всю жизнь Б.Поплавского заплатили столько денег, во сколько обошлось его погребение – быть может, его не пришлось бы хоронить так рано. Но на смерть молодых писателей деньги нашлись, на жизнь – нет [9, с.165].

Литература

1. Адамович Г. Одиночество и свобода / Г. Адамович. - М.: Республика, 1996. - 447 с.
2. Антонов М. Душевный нюдизм / М. Антонов // Октябрь. - 2000. - № 6. - с. 166-167.
3. Аллен Л. Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / Л. Аллен – СПб.: Изд. «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. - 184 с.
4. Буслакова Т.П. Б. Поплавский – литературный критик / Т.П. Буслакова // Филологические науки. - 1998. - №2. - с. 33-41.
5. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций / Т.П. Буслакова. - М.: Высшая школа, 2003. - 365 с.
6. Варшавский В. Незамеченное поколение / В. Варшавский. - Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956. - 324 с.
7. Васильева М. На границе звука: о книге Б. Поплавского: Неизданное. Дневники, статьи, стихи, письма / М. Васильева // Дружба народов. - 1997. - №7. - с. 213-221.
8. Желвакова И. Зачем такой дневник, Борис? Поэт Б. Поплавский: необыкновенное возвращение в отечество / И. Желвакова // Мир музея. - 1998. - №3. - с. 46-53.
9. Зданевич И. Ильязд / И. Зданевич // Синтаксис. - 1986. - №16. - с. 165-169.
10. Иванов Г. Б. Поплавский «Флаги» / Г. Иванов // Числа. – 1931. - №5. – с. 231-233.
11. Каспэ И. Ориентация на пересеченной местности: странная проза Бориса Поплавского / И. Каспэ // Новое литературное обозрение. - 2001. - №47. - с. 187-202.
12. Крейд В. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. Мемуары / В. Крейд. - М.: Республика, 1994. - 383 с.
13. Никоненко С. Царства монпарнасского царевич: О поэте и писателе Б. Поплавском / С. Никоненко // Литературная учеба. - 1996. - №3. - с. 66-69.
14. Одоевцева И. На берегах Сены: Литературные мемуары / И. Одоевцева. – М.: Художественная литература, 1988. – 334 с.
15. Поплавский Б.Ю. Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы / сост. и коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо - М.: Согласие, 2000. - 464 с.
16. Поплавский Б.Ю. Из дневников 1928-1935 / Б. Поплавский // Литературная учеба. - 1996. - №3. - с. 70-92.
17. Поплавский Б.Ю. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. - М.: Христианское издательство, 1996. - 512 с.
18. Поплавский Б.Ю. Статьи, дневники, письма / сост. и коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо - М.: Согласие, 2009. - 624 с.
19. Поплавский Б.Ю. Стихотворения / сост. и коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. - М.: Согласие, 2009. - 560 с.

20. Райс Э. О Борисе Поплавском / Э. Райс // Грани. - 1979. - №114. - с. 156-167.
21. Седых А. Далекие, близкие / А. Седых – Нью-Йорк: Изд. Новое Русское Слово, 1962. – 268 с.
22. Слоним М. Книга стихов Б. Поплавского / М. Слоним // Воля России. – 1931. - №1/2. – с.190.
23. Струве Г. Русская литература в изгнании / Г. Струве. - Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956. - 448 с.
24. Татищев Н. Борис Поплавский – поэт самопознания / Н. Татищев // Возрождение (Париж). – 1965. - №165. – с.26.
25. Терапиано Ю. К. Встречи / Ю. К. Терапиано. - М.: Intrada, 2002. - 384 с.
26. Фельзен Ю. Поплавский / Ю. Фельзен // Круг. - 1936. - №1 - с. 172-176.
27. Яновский В. С. Поля Елисейские / В. С. Яновский. - СПб.: Пушкинский фонд, 1993. - 280 с.

Аннотация

А. П. Елисеенко. Творчество Б. Ю. Поплавского в оценке критики и в литературоведении.

Статья посвящена изучению творческого наследия Б. Поплавского. Анализируются отклики современников писателя на его произведения и отзывы литературоведов, которые занимались изучением творчества автора за последние десятилетия. Предпринимаются попытки выявить их характерные особенности, позволяющие объяснить трудную творческую и издательскую судьбу произведений Б. Поплавского.

Ключевые слова: модернизм, редакции и варианты, преемственность, семантика заглавия.

Анотація

А. П. Єлісеєнко. Творчість Б. Ю. Поплавського в оцінці критики і в літературознавстві.

Стаття присвячена вивченню творчої спадщини Б. Поплавського. Аналізуються відгуки сучасників письменника на його твори та відгуки літературознавців, які займалися вивченням творчості автора за останні роки. Здійснюються спроби виявити їх характерні особливості, які дають змогу пояснити тяжку творчу та видавницьку долю творів Б. Поплавського.

Ключові слова: модернізм, редакції і варіанти, наступність, семантика заголовку.

Summary

A. P. Ieliseienko. The creative heritage of B. Poplavski in the responses of specialists in literature.

The article studies the creative heritage of B. Poplavski. The responses of contemporary writers on his works and reviews of specialists in literature that have been studying the writer's work over the past decade are analyzed. There is an attempt to identify its special characteristics that can explain difficult creative and publishing fate of the works of B. Poplavski.

Key words: modernism, edition and options, succession, the semantics of the title.